

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВЫДАЮЩИХСЯ СОБЫТИЙ

Победа на Волге

Маршал Советского Союза К. РОКОССОВСКИЙ

ОДНИМ из крупнейших событий второй мировой войны является битва на Волге, закончившаяся окружением и разгромом отборной группировки питлеровцев. В этой битве участвовали войска Донского фронта, которым я тогда командовал. О волнующих событиях тех дней мне и хочется рассказать нашим читателям.

* * *

Донской фронт готовится к контрнаступлению. К концу октября 1942 года немецко-фашистские войска на сталинградском направлении оказались в тяжелом положении. Их наступательные возможности были почти полностью исчерпаны. Фланги основной вражеской группировки в междуречье Дона и Волги и в районе Сталинграда имели слабое прикрытие. Достаточными резервами, для того чтобы обеспечить прочность обороны захваченного района, противник не обладал. Его коммуникации растянулись и были уязвимы на огромном пространстве. Это было своевременно использовано нашим Верховным Главнокомандованием для нанесения сокрушительного удара по врагу.

План наступательной операции, разработанный Генеральным штабом, предусматривал привлечь для этого войска трех фронтов: Сталинградского, которому предстояло осуществить удар своим левым флангом из района Сарпинских озер; Донского, получившего задачу активными действиями сковать в междуречье Волга—Дон максимум неприятельских сил, а армиями правого крыла наступать в тесном взаимодействии с соседом справа — вновь создаваемым Юго-Западным фронтом. Последний должен был наносить основной удар с плацдармов на южном берегу Дона.

Нужно отдать должное Генеральному штабу и Ставке: момент был выбран очень удачно. Мы превосходили противника в возможности создания перевеса в силах и средствах на направлениях наносимых ударов. Нужно было лишь не допустить, чтобы враг успел организовать оборону и оттянуть из междуречья основные свои силы для создания резервов.

Все мы чувствовали и понимали, что в этой обстановке медлить нельзя. Понимали это и Ставка и Генеральный штаб, поэтому подготовка к операции велась ускоренным темпом. 3—4 ноября представитель Ставки генерал армии Г. К. Жуков провел в 21-й армии Юго-Западного фронта совещание с командующими армиями и командирами дивизий этого фронта, предназначенных для наступления на направлении главного удара. На нем присутствовал и я с небольшой группой офицеров штаба. Здесь же мы отработали вопросы взаимодействия на стыке Донского и Юго-Западного фронтов. Подобное совещание прошло и на Сталинградском фронте.

Одновременно с разработкой плана контрнаступления по распоряжениям Ставки шло материальное обеспечение предстоявшей операции. В войска прибывали эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами. Советский народ напрягал все усилия, стараясь обеспечить в решающие дни армию всем необходимым для победы над врагом. Со своей стороны все воины нашего фронта стремились оправдать чаяния народа.

В соответствии с разработанным Генеральным штабом планом Донскому фронту была поставлена задача перейти в наступление с плацдарма на Дону у Клетской и из района Качалинской, разгромить противостоявшего противника и, продвигаясь в общем

направлении на Вертячий, взаимодействуя с войсками Юго-Западного фронта, окружить и уничтожить врага в малой излучине Дона. После этого совместно с войсками Сталинградского фронта Донской фронт должен был приступить к уничтожению окруженной группировки.

Длительная активная оборона на рубеже Дона и наступательные операции в междуречье позволили нам довольно тщательно изучить противника и местность. Это обстоятельство значительно облегчало постановку задач армиям и предоставляло им больше времени на организацию боя.

При постановке задач объединениям фронта учитывалась особая роль 65-й армии. Ей предстояло участвовать совместно с 21-й армией Юго-Западного фронта в нанесении главного удара, прорвать фронт, уничтожить противостоявшего противника и наступать в юго-восточном направлении на Вертячий во фланг и тыл вражеской обороны на рубеже реки Дон. Мы приняли меры к усилению 65-й армии всем, чем только можно, даже за счет ослабления других армий.

Весьма сложная задача возлагалась и на нашу 24-ю армию. Она должна была наступать в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону. Ей предстояло прорвать оборону и, продвигаясь на Вертячий, воспрепятствовать отходу гитлеровцев, действовавших против 65-й и 21-й армий. Должен сознаться, что эта задача при тех средствах, какие командование могло выделить для усиления армии, была очень трудной. Танковый корпус, передававшийся ей, имел всего лишь полтора десятка боеготовых танков.

Поскольку 66-я армия никаких дополнительных средств усиления не получила, ей была поставлена ограниченная задача: активными действиями сковать противостоявшего противника.

Контрнаступление 19—23 ноября 1942 года. Несмотря на крайне сжатые сроки, войска Донского фронта успели завершить намеченные перегруппировки и занять исходное положение для наступления. Нужно отдать должное работникам штаба фронта, начальникам родов войск и служб как фронтового звена, так и армейских. Всеми была проделана огромная работа, и теперь наступило время пожинать плоды этого напряженного труда.

К началу артиллерийской подготовки я был на вспомогательном пункте управления (ВПУ) на участке 65-й армии, которой командовал П. И. Батов. Туда же пришли член Военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин, командующий артиллерией В. И. Казаков, командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко и другие. Стоял густой туман. Погода не изменилась и к рассвету.

Время начала артиллерийской подготовки быстро приближалось. Обсудили на коротке с присутствовавшими генералами, какие следует внести поправки при создавшейся обстановке, и тут же отдали соответствующие распоряжения. Ровно в назначенный срок артиллерия Донского фронта и гвардейские минометы открыли по противнику огонь. Так началось историческое сражение.

Генерал С. И. Руденко сильно нервничал. Запланированные нами удары авиации 16-й воздушной армии срывались из-за нелетной погоды. Но для поднятия боевого духа летчиков и наших наступающих частей я разрешил действовать авиации парами и одиночными самолетами. Вражеская авиация в этот день почти не появлялась. Сплошной туман над полем сражения не позволял нам видеть, что происходит там, где непрерывно сверкали вспышки разрывов артснарядов, тяжелых реактивных мин (М-31) и стоял сплошной гул. Не помогали никакие оптические приборы, а в них недостаток на нашем наблюдательном пункте не ощущалось.

Наконец наступил момент переноса артогня, и до нашего слуха долетели звуки дружного раскатистого «ура». Залязгали гусеницы танков. Значит, началась атака. Всех, находившихся на НП, беспокоила мысль: каков будет ее результат?

Постепенно туман рассеивался, и уже кое-где можно было просматривать отдельные участки поля боя. Мы увидели штурм нашей пехотой меловых обрывистых высот, упорно удерживаемых противником в районе Клетской. Видно было, как штурмующие цепляясь за выступы, взбирались наверх; многие, срываясь, скатывались вниз, но опять, упорно помогая друг другу, поднимались наверх и атаковывали врага. Противник не

Генерал-полковник К. К. Рокоссовский
наблюдает за ходом боя
(январь 1943 г.)

выдержал, и высоты были взяты. Главная полоса вражеской обороны начала давать трещины.

Во второй половине дня против частей 65-й армии противник стал предпринимать контратаки, которые замедлили ее продвижение. В этой обстановке командующий армией П. И. Батов ввел в бой созданную им подвижную группу. Обходя опорные пункты, ударами во фланг и тыл противника, она своими правофланговыми соединениями стала быстро продвигаться в глубину его расположения.

Однако предусмотренное планом Ставки наступление 24-й армии с целью отрезать отход на восточный берег Дона вражеских соединений, атакованных 65-й и 21-й армиями, не увенчалось успехом. Фашисты прочно удерживали занимаемый ими рубеж, опираясь на сильную оборону (она была оборудована еще нашими инженерными частями, а затем усовершенствована на протяжении двух месяцев немцами). Имевшимися в 24-й армии средствами она выполнить этой задачи не смогла.

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив противостоявшего противника на заходящих флангах своих ударных группировок, сомкнулись в районе Советский, Калач, завершив окружение всей сталинградской группировки. Это был огромный успех, и радость наша не имела границ.

Первые бои с окруженным противником. Ликвидация окруженных в районе Сталинграда вражеских сил 6-й и 4-й танковой армий была возложена Ставкой на войска Донского и Сталинградского фронтов. Они приступили к выполнению этой задачи с ходу, т. е. не прекращая наступления. С запада и севера действовали войска 21, 65 и 66-й армий Донского фронта¹, а с юга и востока — 57, 64 и 62-й армий Сталинградского фронта, сжимая кольцо окружения.

Ставка требовала быстрой ликвидации окруженного врага. Это для нас, командующих, было вполне понятным, ибо с ликвидацией противника не только высвободилось большое количество войск, так необходимых в сложившейся стратегической обстановке на других участках фронта, но и появлялась возможность использовать железную дорогу для снабжения войск при их наступлении в сторону Ростова. Сознвая важность решаемой задачи, мы предпринимали все меры к быстрейшему ее выполнению. Руководящий командный и политический состав фронта находился непосредственно в войсках.

Несколько дней напряженных боев показали, что ликвидация окруженного противника потребует более продолжительного времени, что здесь нужна тщательная организация и подготовка операции, отработка взаимодействия между фронтами. Лучшим решением было бы объединить в одних руках руководство всей операцией, поручив это одному из фронтов. Мы у себя, в штабе Донского фронта, стали продумывать и примерять такую возможность. Как будет, если взять управление всей операцией на себя?

Необходимость такого решения подсказывала и сложившаяся обстановка. Вражеские части оказались зажатыми войсками Донского и Сталинградского фронтов на значительной территории (70—80 км с запада на восток и от 30 до 40 км с севера на юг).

¹ Директивой Ставки от 27 ноября 1942 года 21-я армия была передана из Юго-Западного фронта в состав Донского фронта

Сокращение линии обороны позволило противнику значительно уплотнить боевые порядки своих частей и соединений, а наличие оборонительных сооружений на этом рубеже — быстро организовать прочную оборону. Вполне понятно, что преодолеть ее с ходу наши наступавшие войска, понесшие во время предшествовавшего наступления большие потери, не смогли. Гитлеровцы пользовались еще и тем преимуществом, что имели возможность быстро маневрировать своими силами внутри кольца окружения, перебрасывая их на любое угрожаемое направление.

Стало очевидным, что, продолжая наступление на всем фронте окружения без специальной, серьезной подготовки к этому и без дополнительных средств усиления, мы успеха не добьемся, а понесем лишь неоправданные потери. Я счел своим долгом доложить об этом в разговоре по ВЧ Верховному Главнокомандующему и сказал ему, что было бы целесообразно поручить одному из фронтов ведение всей операции по ликвидации окруженной группировки противника (Сталинградскому или Донскому, с подчинением ему всех войск, действовавших на внутреннем фронте окружения).

К началу декабря внешний фронт окружения проходил на удалении 40—100 км от внутреннего фронта, благоприятствуя тем самым проведению операции по ликвидации окруженного противника. Но сил для решения этой задачи явно не хватало.

По настойчивому требованию Ставки, переданному через прибывшего к нам начальника Генерального штаба А. М. Василевского, в начале декабря было проведено очередное наступление войск Донского и Сталинградского фронтов. В ходе боев обнаружилось, что наша длительная артиллерийская подготовка, предшествовавшая атаке, использовалась противником для подтягивания резервов к месту предполагаемого удара, и в последующем огнем и контратаками он отражал наше наступление. Учитывая это, мы стали применять метод последовательного захвата отдельных объектов в системе его обороны. Хорошо подготовленные части, усиленные артиллерией и танками, внезапно и решительно атаковывали и овладевали объектом. В целях сохранения внезапности такие действия проводились без артиллерийской подготовки, днем и ночью. Атака начиналась одновременно с открытием артиллерией огня по атакуемым объектам. Как только пехота, сопровождаемая танками, врывается в переднюю линию окопов, артиллерия переносила огонь в глубину и на фланги. В это время стрелковые подразделения блокировали вражеские огневые точки, уничтожали их и развивали успех в глубину. Применялись и другие способы.

Своими активными действиями наши войска и войска Сталинградского фронта в первой половине декабря нанесли противнику крупный урон в живой силе и технике и вынудили его расходовать в значительном количестве ограниченные запасы боеприпасов. Гитлеровцы были оттеснены от Дона в сторону Волги на 20—30 км. Протяженность линии фронта сократилась до 170 км. Для большего понимания трудностей борьбы следует охарактеризовать, хотя бы вкратце, условия, в которых войскам пришлось действовать против окруженной группировки.

Местность в районе Сталинграда представляет собой всхолмленную степь с высотами, имеющими пологие скаты. Вся территория района изрезана множеством балок с крутыми обрывистыми берегами. Большое количество высот, балок и населенных пунктов позволяло противнику организовать прочную оборону района, скрытно располагать личный состав и устраивать разного рода склады и хранилища. Зима изобиловала сильными ветрами и частыми метелями; среднесуточная температура держалась минус 18° и даже часто достигала минус 22—23°. Снег хорошо скрывал оборонительные вражеские сооружения, что сильно затрудняло наблюдение и ведение огня по огневым точкам, траншеям и блиндажам противника.

Мои доклады Ставке о невозможности выполнить задачу без предоставления войскам фронта необходимого времени для проведения соответствующей перегруппировки и без усиления его дополнительными силами и средствами возымели свое действие. На усиление войск Донского фронта была направлена 2-я гвардейская армия, полностью укомплектованная и имевшая в своем составе оснащенный танками механизированный корпус. Это была большая сила, а для нас — целое событие. Все воспрянули духом.

Не дожидаясь подхода 2-й гвардейской армии, командование и штаб фронта приступили к разработке плана предстоявшей операции по ликвидации в короткий срок окруженной группировки. На представителя Ставки А. М. Василевского, находившегося у нас, возлагалась координация действий двух фронтов (Донского и Сталинградского), которые должны были выполнить эту задачу. Поэтому он принимал деятельное участие в разработке плана операции.

Основная идея плана — ударами с двух сторон по окруженной группировке расчленить ее на две части, а затем ликвидировать каждую в отдельности. Для этого войска Донского фронта должны были нацелить главный удар с запада на восток, навстречу войскам Сталинградского фронта, наносившим удар с юго-востока. Эта идея была выдержана на протяжении всей операции. Правда, изменялись в зависимости от обстановки и наличия сил способы выполнения, но задача расчленения окруженной группировки вначале на две части с нанесением главного удара с запада на восток сохранялась.

По разработанному плану операции 2-я гвардейская армия генерала Р. Я. Малиновского должна была нанести удар на узком участке в центре нашего фронта; правее ее наступала 21-я армия генерала И. М. Чистякова, имея главную группировку своих сил на левом (примыкающем ко 2-й гвардейской армии) фланге, а левее — 65-я армия генерала П. И. Батова, расположив главную группировку на правом фланге. Таким образом, для этого удара на решающем направлении намечалось привлечь войска трех армий, усиленных наибольшим количеством артиллерии, танков, самоходных орудий и другой техникой. 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко ставилась задача всеми силами действовать на этом же направлении. Остальные армии Донского фронта — 24-я генерала И. В. Галанина и 66-я генерала А. С. Жадова — должны были активными действиями на своих участках фронта не позволить противнику оттягивать свои силы для усиления войск, атакованных нами на главном направлении.

Этот план 9 декабря был представлен в Ставку и утвержден. Пока войска 2-й гвардейской армии подтягивались к месту назначения, к нам в Загорыкино прибыл командарм Р. Я. Малиновский с группой армейских руководящих работников для отработки задачи и увязки вопросов взаимодействия с другими армиями. Но к этому времени на фронте произошли события, повлекшие за собой большие изменения нашего плана.

С утра 12 декабря на котельниковском направлении противник перешел в контрнаступление и потеснил части 51-й армии генерала Н. И. Труфанова, действовавшей на внешнем фронте окружения. Командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Еременко, опасаясь, что противник, развивая успех, может деблокировать свои окруженные части, обратился в Ставку и к представителю Ставки А. М. Василевскому с просьбой передать ему прибывающую 2-ю гвардейскую армию для использования ее против войск Манштейна, спешивших на выручку окруженных сил под Сталинградом.

Переговоры об этом с Верховным Главнокомандующим вел А. М. Василевский по ВЧ в моем присутствии. Передавая мне трубку, Василевский сказал, что в связи с возможной деблокадой противником окруженной группировки решается вопрос о передаче прямо с похода 2-й гвардейской армии в Сталинградский фронт и что он поддерживает это предложение.

И. В. Сталин спросил меня, как я отношусь к этому. Получив мой отрицательный ответ, он продолжил переговоры с Василевским, который настойчиво доказывал необходимость передачи упомянутой армии Сталинградскому фронту для использования ее против группировки, перешедшей в наступление на котельниковском направлении. Он говорил, что генерал Еременко сомневается в возможности отразить это наступление имеющимися у него силами и что он сам не видит другого выхода. После этого тут же по ВЧ Верховный Главнокомандующий сообщил мне, что он согласен с доводами А. М. Василевского, что мое решение — разделаться сначала с окруженной группировкой, используя для этого 2-ю гвардейскую армию, — смелое и заслуживает внимания, но в той обстановке, о которой доложил ему Александр Михайлович, оно слишком рискованно. Поэтому 2-ю гвардейскую армию мне следует спешно направить под Котельниково в распоряжение А. И. Еременко.

Военный совет 62-й армии вручает 39-й стрелковой дивизии гвардейское знамя
(Сталинград, январь 1943 г.)

Выслушав мой краткий доклад о невозможности без участия 2-й гвардейской выполнить войсками Донского фронта поставленную Ставкой задачу — ликвидировать окруженного противника, он согласился с предложением временно приостановить эту операцию, пообещав усилить войска фронта дополнительными силами и средствами. Относительно оказания нам помощи артиллерией и боеприпасами сказал, что пришлет командующего артиллерией Красной Армии генерала Н. Н. Воронова.

Ликвидация окруженного врага поручается Донскому фронту. Вскоре после этого разговора с Верховным Главнокомандующим пришла его директива о передаче всех войск, действовавших на внутреннем кольце окружения, в состав Донского фронта. Это мероприятие Ставки было целесообразным, и мы тут же приступили к установлению связи с 57, 64 и 62-й армиями. Сделали это очень быстро, так как вопрос был заранее проработан нашим штабом.

Устанавливая техническую связь с новыми армиями, я считал необходимым лично ознакомиться с командованием и войсками этих армий и занимаемыми ими участками. Начал с 57-й армии, куда мы прибыли вместе с членом Военного совета генералом К. Ф. Телегиным. Она располагалась по юго-западному фасу кольца окружения на участке шириной до 25 км, имея перед собой противника, оборонявшегося на левом берегу реки Червленая и занимавшего позиции, оборудованные нашими войсками еще до выхода немцев в этот район. Командующий армией генерал Ф. И. Толбухин произвел на нас хорошее впечатление. Видно было, что он знает свое дело и способен в любой обстановке уверенно руководить войсками. В беседе командарм шутя высказал сожаление, что, руководя устройством оборонительных рубежей под Сталинградом, прилагал так много усилий к лучшему их оборудованию, не зная того, что ему же придется их преодолевать.

Затем мы побывали в 64-й армии, которая занимала участок шириной 30 км на южном фасе окружения, фронтом на север. Ее командующий генерал М. С. Шумилов, заслуженный воин, обладавший хорошими знаниями военного дела и богатым практическим командным опытом, внешне производил впечатление человека флегматичного. На деле же он оказался весьма энергичным и решительным, а руководимые им войска в боях за Сталинград показали, что умеют бить врага, находясь не только в обороне, но и в наступлении.

Чтобы добраться в войска 62-й армии, пришлось сначала переправиться на левый берег реки, а затем снова на правый, но уже в Сталинграде. Волга в это время еще

не совсем встала, виднелись большие участки, свободные от льда. Мы добрались благополучно до берега, где нас уже поджидали командарм генерал В. И. Чуйков, член Военного совета К. А. Гуров и начальник штаба армии генерал Н. И. Крылов.

Познакомившись друг с другом и побеседовав накоротке, мы отправились на командный пункт, находившийся в блиндажах Военного совета армии. Соединения 62-й армии занимали узкую полосу берега и прилегающую к реке часть города, от которого осталась груда развалин с возвышавшимися местами островами еще не совсем обрушившихся зданий. В этих зданиях и в развалинах закрепились советские воины, превратив их в неприступную крепость. Они героически отразили все попытки врага опрокинуть их в реку и полностью овладеть городом. Настроение в войсках 62-й армии, несмотря на все трудности, было боевое. Все ждали начала наступления и готовились к этому.

Возвращались обратно почти таким же образом. По пути на свой КП мы заехали в 66-ю армию к А. С. Жадову. Непрерывные наступательные действия, проводившиеся войсками этой армии, сильно на ней отразились. Некомплект в частях и соединениях достигал 60—70 проц., особенно в пехоте.

В связи с передачей в Сталинградский фронт 2-й гвардейской армии пришлось внести значительные поправки в разработанный план операции с учетом, что нам предстоит решить задачу только силами, имевшимися в составе нашего фронта. Принимались в расчет и обещанные Верховным Главнокомандующим средства усиления, которые должен определить прибывающий к нам в качестве представителя Ставки генерал Н. Н. Воронов.

В основу плана была положена та же идея расчленения окруженной группировки на две части, но уже нанесением одного главного удара по ее центру с запада на восток. Окончательно этот план был отработан при деятельном участии Н. Н. Воронова, который прибыл к нам в Заворыкино 19 декабря. А 27 декабря представили план в Ставку.

Нужно отметить, что окруженный противник имел внутри «котла» несколько хорошо оборудованных аэродромов, позволявших принимать одновременно большое количество самолетов. Для организации воздушной блокады окруженного противника к нам прибыли генералы авиации А. А. Новиков и А. Е. Голованов.

В результате огромной работы штаба фронта, командующих родами войск и служб, а также большой помощи со стороны Н. Н. Воронова, А. А. Новикова и А. Е. Голованова подготовка операции по ликвидации окруженной группировки немецко-фашистских войск в районе Сталинграда была завершена в намеченный срок.

Для нанесения главного удара привлекались 21, 65 и 24-я армии. Наступлением на центр окруженной группировки с запада на восток наши войска должны были расчленить ее на две части. Планировалось, что 65-я армия будет наступать на узком участке. Ее максимально усилили артиллерией, гвардейскими минометами, танками и инженерными частями. Остальные армии (57, 64, 62 и 66-я) имели задачу наступать с ограниченными целями на отдельных участках и тем самым приковать к себе как можно больше сил противника, не давая возможности врагу снимать войска с этих участков для усиления направления главного удара. Вся авиация 16-й воздушной армии предназначалась также для действий на главном направлении.

В подготовительный период руководство фронта многое сделало для достижения успеха наступательной операции. Политическим аппаратом фронта и армий была проделана большая работа в войсках. Особое внимание уделялось укреплению партийных и комсомольских организаций подразделений. Правильная расстановка коммунистов способствовала усилению партийного влияния на личный состав, что, естественно, положительно сказывалось на повышении боеспособности частей и подразделений.

Ультиматум окруженному врагу. Приближался новый, 1943 год. У нас на командном пункте в Заворыкино собралось много товарищей из Москвы. Новый год встретили в теплой товарищеской обстановке. В беседе кто-то затронул вопрос об имевших место в прошлом случаях предъявления врагу, попавшему в тяжелое положение, ультиматума о сдаче. Мысль понравилась. О ней было доложено в Генштаб. Генерал А. И. Антонов, замещавший начальника Генштаба, обещал сообщить решение, заме-

тив, что нам следовало бы на всякий случай написать текст такого ультиматума.

Необходимых материалов под рукой у нас не имелось, но общими усилиями такой ультиматум был составлен. Вскоре позвонили из Ставки и сообщили, что предложение наше очень понравилось И. В. Сталину, и затребовали срочно передать проект ультиматума.

С незначительными поправками Ставка утвердила наш текст². Предложено было за день-два до начала наступления вручить его командующему 6-й немецкой армией фон Паулюсу.

Начало наступления войск Донского фронта, намечавшееся раньше на 6 января, в итоге переговоров со Ставкой было перенесено на 10 января.

До начала наступления мы использовали все средства печатной и устной пропаганды для ослабления сопротивления войск противника, оказавшихся в котле. Все мероприятия проводились штабом и политическим управлением фронта по плану, утвержденному Военным советом фронта. Большую помощь в этой работе оказали нам находившиеся у нас, на Донском фронте, немецкие антифашисты во главе с выдающимся деятелем германского рабочего движения Вальтером Ульбрихтом. Через громкоговорящие радиоустановки они призывали солдат и офицеров прекратить бессмысленное сопротивление и сложить, пока не поздно, оружие.

Поскольку Ставка определила нам срок вручения ультиматума за два дня до начала наступления, мы решили вручить его противнику утром 8 января. Провести эту процедуру было поручено разведуправлению фронта, которое возглавлял хороший работник и замечательный товарищ генерал И. В. Виноградов. Парламентеры отбирались только из числа желающих, которых оказалось очень много. Нужно было кому-то отдать предпочтение. В конце концов в группу вошли: парламентар — майор А. М. Смыслов, переводчик — капитан Н. Д. Дятленко и, как предусмотрено ритуалом этой процедуры, трубач-сигналист. Сопровождать их до линии фронта взялся сам И. В. Виноградов.

Вечером, накануне дня вручения, мы объявили по радио командующему 6-й армией Паулюсу и его штабу о высылке парламентаров в назначенное место с указанием времени. Парламентеры должны были быть без оружия, иметь с собой большой белый флаг и повязки для завязывания глаз при вступлении на территорию, занятую противником. Трубач должен играть соответствующий сигнал при подходе к назначенному месту, извещая о прибытии парламентаров.

Ночь с 7 на 8 января мы провели в несколько напряженном состоянии. Накануне вопрос о том, «что день грядущий нам готовит», дебатировался всеми. Представители Ставки не оставались в стороне и вместе с нами строили предположения. А как нам хотелось, чтобы все решилось положительно! Сколько людей осталось бы жить или избежало тяжелых увечий!

Ровно в назначенное время наши парламентары вышли из блиндажа, неся развернутый белый флаг, и направились к позициям противника в условленное место, сопровождаемые сигналами трубача.

Как мы с Н. Н. Вороновым предполагали, так и получилось. С вражеской стороны никто не вышел им навстречу. Наоборот, когда парламентары стали приближаться к позициям противника, по ним был открыт огонь, сначала одиночный ружейный, затем пулеметный и даже минометный. Парламентары вынуждены были вернуться.

С нашей стороны было сделано все. Враг, грубо нарушая международные правила, открыл без предупреждения огонь по парламентарам. Нам оставалось одно — применить силу.

Сообщив в Ставку о результатах этого мероприятия, я в тот же день выехал в 65-ю для уточнения на месте некоторых вопросов, относящихся к подготовке наступления. Армия заканчивала выход в исходное положение, и отработка задач в звене полк—батальон проводилась на местности. Собрались мы в блиндаже П. И. Батова. Начальник штаба армии полковник И. С. Глебов доложил о готовности войск армии. Здесь же я счел нужным усилить 65-ю армию еще двумя стрелковыми дивизиями

² Текст ультиматума приведен в книге «Великая победа на Волге». М., Воениздат, 1965. стр. 445—446.

из 24-й армии и одной из 21-й, о чем сразу отдал распоряжение. В этот день я побывал и у командарма 21-й И. М. Чистякова.

Когда я находился в 21-й армии, генерал М. С. Малинин сообщил мне, что ему поручено переговорить со мной о целесообразности посылки парламентариев со стороны южного фаса окружения, примерно с участка армии Толбухина. Я ответил, что если Ставка находит такое мероприятие полезным, то я не возражаю, хотя у меня нет никаких сомнений, что и эта попытка будет обречена на неудачу. Роль парламентариев просили выполнять те же товарищи. Все было проделано так же, как и в первый раз.

Но события развивались несколько иначе. Утром 9 января нашим парламентариям удалось благополучно добраться до позиции противника, где в условленном месте они были встречены немецкими офицерами. Парламентариев с завязанными глазами провели на командный пункт, сняли с них повязки, и они предстали перед группой старших немецких офицеров. О прибытии парламентариев на командный пункт и о том, что они хотят передать пакет о капитуляции лично Паулюсу, один из немецких офицеров доложил по телефону своему начальнику. Спустя некоторое время парламентариям было объявлено, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого им известно из передач по радио. Обрато наши парламентарии вернулись без всяких приключений.

Если враг не сдается — его уничтожают. После доклада в Ставку о неудавшейся попытке гуманно обойтись с врагом нам пожелали успеха в решении этого вопроса силой оружия. Начало наступления мне хотелось наблюдать с участка 65-й армии, наносившей главный удар, поэтому мы с Н. Н. Вороновым и командующим артиллерией В. И. Казаковым прибыли на наблюдательный пункт П. И. Батова заранее, когда было еще совсем темно. Войска уже заняли исходное положение.

На нашей стороне господствовала тишина, незаметно было никакого движения. Все замерло в ожидании сигнала. Зато в глубине расположения противника слышались взрывы бомб, сбрасываемых нашей авиацией.

В назначенное по плану время — в 8 час. 05 мин. взвились в воздух сигнальные ракеты, и наша артиллерия, минометы и гвардейские реактивные установки открыли огонь. Артиллерийская подготовка продолжалась 55 минут. А затем артиллерия перешла на поддержку огнем вала нашей пехоты, атакующей вместе с танками сопровождения позиции врага. Этой атаке содействовала и авиация. В наступление одновременно перешли войска на всем фронте окружения.

Атакованный повсеместно противник сильно огрызнулся. Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие подразделения и отдельные группы оказывали упорное сопротивление. Наблюдая за развитием боя на участке 65-й армии, мы чувствовали, с каким упорством приходится нашей пехоте преодолевать оборону врага. К исходу дня соединения 65-й армии сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину от 2 до 5 км во всей 12-километровой полосе наступления армии. Несколько меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й, но и их войска вклинись в оборону врага. Остальные армии хотя имели небольшое продвижение, но зато своими действиями сковывали значительные силы противника.

Наступление продолжалось 11 и 12 января днем и ночью. Незначительные перерывы делались для перегруппировок на коротке частей и средств внутри армий. Сопротивление врага было действительно ожесточенным, но наши части со все возрастающим упорством ломали его.

За пять дней тяжелых наступательных боев войскам главной группировки фронта удалось ликвидировать Мариновский выступ, преодолеть сильноукрепленный средний оборонительный обвод и, продвинувшись на 10—22 км в центре, подойти к внутреннему оборонительному обводу. Должен заметить, что противник с умением приспособил созданные нами укрепления для обороны, и нашим войскам пришлось преодолевать их с большим трудом и напряжением сил. Требовалось поистине безгранично любить свою Родину и люто ненавидеть врага, чтобы взять эти грозные позиции,

бешено защищаемые врагом. Но впереди был еще один оборонительный рубеж — внутренний.

Предстоял штурм очень сильных позиций, а погода нам не благоприятствовала. Мороз достигал минус 22°, усилились метели. Войскам приходилось наступать по открытой местности, тогда как гитлеровцы находились в траншеях, землянках и блиндажах.

Радостная встреча защитников Сталинграда с войсками частей, наступавших с запада (Сталинград, 26 января 1943 г.)

Непрерывные многодневные наступательные действия в суровых условиях утомили наши войска. Длительное пребывание бойцов под открытым небом в такую стужу, без возможности обогреться хотя бы время от времени вело к обмораживанию. Убыль личного состава увеличилась, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Спротивляемость же противника не уменьшалась, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки. Нам в буквальном смысле приходилось прогрызать вражескую оборону.

Часто бывая на позициях, я наблюдал за боевыми порядками наступавших войск. Наша артиллерия занимала все заснеженное поле, продвигаясь перекатами поэшелоно. Это были орудия прямой наводки, проталкивавшие пехоту, жиденькая цепочка которой находилась впереди. На линии орудий насыщенность пеших казалась солидной, но это были артиллеристы, обслуживавшие орудия. На пространстве в несколько километров по фронту виднелось до десятка танков, за ними двигались, припадая к земле и опять вскакивая, мелкие группы пехоты. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, ведя огонь по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы «катюш», и весь боевой порядок в это время делал бросок вперед, а орудия прямой наводки подавляли своим огнем оживающие огневые точки врага или отражали его контратаки, которые, как правило, велись небольшими группами танков и пехотой на бронетранспортерах. В танках и пехоте численное превосходство продолжало оставаться на стороне фашистов. Наша штурмовая авиация даже в самых сложных условиях старалась поддерживать действия малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления, вылетая группами, а если погода не позволяла (туман) — одиночными самолетами. В этих боях наши летчики завоевали глубокое уважение наземных войск, особенно пехоты. Несмотря на огромные трудности, войска Донского фронта упорно, шаг за шагом, преодолевали немецкие позиции.

Наконец наступил момент, когда расстояние между войсками 21-й и 65-й армий, наносивших главный удар в центре с запада, и войсками 62-й армии, действовавшей им навстречу от берега Волги с востока, сократилось до 3,5 км. Однако сопротивление вражеских войск еще больше усиливалось. Было заметно, что враг пытается всеми средствами воспрепятствовать расчленению окруженной группировки на две части. Однако все его попытки оказались тщетными. Сознание близости момента соединения с героическими защитниками города удесятряло энергию воинов, наступавших на Сталинград, так же, как и тех, кто защищал его. В предвидении встречи наших войск были установлены опознавательные знаки и сигналы и даны указания войскам 62-й, 65-й и 66-й армий о дальнейших мероприятиях по ликвидации окруженных частей.

противника в северной части котла, а 21, 57 и 64-й армиям — в южной; 24-я армия выводилась в резерв Ставки.

Утром 26 января 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии в районе поселка Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й стрелковыми дивизиями 62-й армии, а правофланговым соединениям 65-й армии удалось установить связь с командирами 13-й и 39-й гвардейских дивизий 62-й армии.

Здравый смысл подсказывал, что сейчас, когда всякая надежда на выручку у вражеских войск потеряна, силы их расчленены и дальнейшее сопротивление влечет за собой уничтожение, им следует сложить оружие. Но этого не произошло. Командующий 6-й армией, теперь уже фельдмаршал, Паулюс решил продолжать сопротивление.

Итак, войскам Донского фронта, уже без 24-й армии и ряда дивизий, выводимых в резерв Ставки, предстояло завершить ликвидацию сопротивлявшегося врага.

В ходе боя войсками 21, 57 и 64-й армий были зажаты в плотное кольцо крепко потрепанные шесть пехотных, две моторизованные и одна кавалерийская дивизии противника, образовавшие его южную группировку.

Войсками 65, 66 и 62-й армий были окружены три танковые, одна моторизованная и восемь пехотных дивизий противника, тоже сильно потрепанных. Они составили северную группировку врага.

Перегруппировав соответственно сложившейся обстановке свои силы, войска 64, 57 и 21-й армий приступили к ликвидации южной группы войск, нанося удары с юго-запада и северо-запада. Враг потерпел тяжелое поражение и 31 января сложил оружие. Вместе с этой группой войск был пленен со своим штабом и фельдмаршал Паулюс, который вечером того же дня был доставлен к нам в штаб фронта.

В помещении, куда был введен Паулюс, находились я, Н. Н. Воронов и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, я с интересом ожидал этой встречи. Открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного, в полевой форме генерала, остановившегося навтыжку перед нами. Во всем его поведении чувствовалась большая напряженность, которую ему не удавалось скрыть. Щеку подергивал тик, в

Пленные гитлеровцы направляются в тыл (Сталинград, январь 1943 г.)

глазах таился страх. Создавалось впечатление, что он весь в ожидании чего-то страшного, что должно сейчас произойти. Видя это, мне самому стало как-то неловко и, переглянувшись с Н. Н. Вороновым, я жестом пригласил Паулюса присесть к столу. Сделал он это как-то робко, оглянувшись направо и налево.

На столе у нас были сигары и папиросы, и я предложил ему закурить. Закурил и сам (Николай Николаевич не курит). Предложен был Паулюсу и стакан горячего чая. Он охотно выпил его. Однако дрожь, подергивание щеки и дрожание рук не прекратились. Так до конца беседы он и не смог полностью овладеть собой.

В беседе Паулюс робко высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые носили бы характер нарушения им присяги, т. е. относящиеся к секретным. На это ему было замечено, что пока мы этого не касались, но тут же спросили, как в подобных случаях поступает командование немецких войск по отношению к нашим военнопленным. Это окончательно его обескуражило, и мы решили на первый раз разговор на этом закончить. Правда, в конце беседы Паулюсу было предложено дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления, от чего он уклонился, сославшись на то, что, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение.

Мне предстояло проверить организацию удара по северной группе войск противника, который наносили войска 62, 65 и 66-й армий. Поэтому сразу после разговора с Паулюсом я отправился на машине на командный пункт командарма П. И. Батова, захватив с собой генералов В. И. Казакова и Н. Г. Орла. К рассвету мы уже были на месте. В. И. Чуйков и А. С. Жадов доложили мне на наблюдательный пункт, что войска к назначенному времени готовы и что немцы не намерены сложить оружие.

Рассветало, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайšie расположенные сзади артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные шеренги реактивных минометов М-31, напоминавших собой построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны.

Для нанесения этого удара были привлечены многие артиллерийские части, принимавшие участие в разгроме южной группировки. Нами делалось все, чтобы в предстоявшем сражении наши войска понесли как можно меньше потерь. Должна была действовать вся 16-я воздушная армия, вся наша артиллерия, части и соединения реактивной артиллерии.

1 февраля в утренние часы вся эта сила обрушила свой огонь на позиции оборонявшегося врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край обороны противника покрылся сплошными разрывами снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Такого удара гитлеровцы не выдержали, и после артиллерийской и авиационной подготовки на многих занимаемых ими участках стали появляться белые флаги. Происходило это помимо воли командования, стихийно. В одном месте сдавались, бросая оружие, в другом — яростно сопротивлялись. Еще шел бой. Но утром 2 февраля остатки окруженной северной группы стали сдаваться в массовом порядке, и это также происходило независимо от воли командования.

В этот день прекратила свое существование и северная группа войск противника. Битва на Волге была победоносно завершена.

* * *

Разгром немецко-фашистских войск в битве на Волге — крупнейшее военно-политическое событие второй мировой войны, имевшее огромное международное значение. Эта битва укрепила в свободолюбивых народах мира веру в неизбежность поражения фашистского блока. В поработанных странах Европы усилилась борьба против гитлеровского «нового порядка», против немецких захватчиков.

Катастрофа гитлеровцев у стен Сталинграда подорвала моральный дух немецко-фашистских войск, резко ухудшила военно-политическое положение Германии. Это событие потрясло фашистский блок, усилило в нем разброд.

Победа на Волге еще больше подняла боевой дух Советской Армии и укрепила уверенность нашего народа в несокрушимой ее мощи.

В результате разгрома немецко-фашистских войск в битве на Волге и последующего развития наступления на других направлениях Советские Вооруженные Силы захватили инициативу действий в свои руки. Началось массовое изгнание оккупантов из пределов нашей страны.

Великая победа на Волге была достигнута благодаря превосходству нашего общественного и государственного строя, крепкой дружбе народов СССР, беспримерной стойкости советских воинов, их высокому военному мастерству и беспредельной преданности своей Родине. Организатором, вдохновителем и руководителем этой исторической победы была наша славная Коммунистическая партия.

✓ Парад Победы

Генерал-полковник С. ШТЕМЕНКО

8 МАЯ 1945 года в Карлсхорсте — пригороде Берлина — был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Гитлеровская военная машина была разрушена окончательно. Третий рейх пал. Великая Отечественная война Советского Союза в Европе победоносно завершилась.

Ночь на 9 мая мы провели, однако, беспокойно. Выполнят ли фашистские заправилы условия капитуляции или отнесутся к ним так же вероломно, как относились в прошлом к другим своим международным обязательствам? К утру эти опасения стали рассеиваться: в Генштаб и Ставку начали поступать доклады о том, что немецкие войска повсеместно складывают оружие и сдаются в плен. Только в Чехословакии положение оставалось напряженным. Там противник не капитулировал, по-прежнему оказывал сопротивление и пытался отойти на юг и запад. Войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов продолжали наступление, нанося по врагу мощные удары.

На помощь восставшей Праге устремились из-под Берлина две гвардейские танковые армии — 3-я и 4-я. На рассвете 9 мая наши танковые соединения ворвались в город и совместно с пражанами полностью очистили его от врага в течение нескольких часов. Крупная группировка вермахта под командованием гитлеровского фельдмаршала Шернера и генерала Велера продолжала сопротивляться с отчаянием обреченных, но по всему было видно, что конец ее уже недалек.

А в это время в Москве шло ликование. 9 мая было объявлено всенародным праздником — Днем Победы. Приказ на победный салют подготовили с утра. На этот раз для передачи его по радио Ю. Б. Левитан был вызван в Ставку. Отсюда же, из Кремля, в 21 час И. В. Сталин обратился к советскому народу с краткой речью. Он объявил, что капитуляция фашистской Германии стала реальностью, однако не умолчал о сопротивлении группировки Шернера и Велера.

— Но я надеюсь, — прибавил затем Верховный Главнокомандующий, — что Красной Армии удастся привести ее в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом...

Должен заметить, что с конца апреля строгий порядок, существовавший в Ставке на протяжении всей войны, вдруг нарушился. А. И. Антонова и меня вызывали туда по нескольку раз в день и в разное время. Многие документы мы исполняли прямо там. Молниеносно развивавшиеся события не укладывались ни в какие рамки.

А со 2 мая, когда был взят Берлин, вся Москва жила необычной, какой-то взбудораженной жизнью. На улицах царило праздничное возбуждение. На Красной площади днем и ночью толпился народ.